

ПСАЛМОДИЯ В СВЯТООТЕЧЕСКОМ БОГОСЛОВСКОМ НАСЛЕДИИ КАК ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОГО ИСКУССТВА

В статье на материале писаний святых отцов и учителей церкви, посвященных псалмодии, рассматривается круг вопросов о месте и значении псалмопения в христианской богослужебной культуре: как понималась Псалтирь в святоотеческих писаниях; в чем усматривалась ее значимость; какое место отводилось псалмам в жизни и богослужении раннехристианской церкви; как (в каких терминах) характеризовали псалмодию и в каком контексте велись рассуждения о псалмопении. Изучение поставленных вопросов с точки зрения богословско-эстетических позиций позволяет на новом уровне осмыслить значимость псалмодии в истории церковно-певческой культуры.

Псалмодия имеет длительную историческую традицию, исчисляемую не одним тысячелетием. В истории музыки псалмодия, означающая пение псалмов (прочтение псалмового текста с музыкальной интонацией), является одним из древнейших пластов культурной музыки. Как известно, собрание текстов ста пятидесяти псалмов образует одну из книг Ветхого Завета – Псалтирь, авторство которой церковная традиция возводит к библейскому царю Давиду¹. Однако правильнее считать Псалтирь поэтическим сборником, который формировался постепенно.

Современное музыковедение определяет псалмодию в стилистическом смысле как речитативное пение псалмовых стихов, мелодекламацию, ритмика которой определяется грамматическими и логическими акцентами текста.

Также псалмодию часто характеризуют как простейший речитативный тип церковного пения, что, безусловно, верно, в сравнении со сложными мелизматическими формами песнопений: «Псалмодия – исполнение псалмов на основе мелодических моделей с определенной начальной формулой, речитацией на выдержанном тоне и заключительным каденционным оборотом. В широком смысле псалмодия подразумевает речитативный характер пения» [3, с. 195].

Итак, под псалмодией принято понимать стиль церковного пения, воплощенный в характерных псалмовых тексто-мелодических формах.

Однако для создания целостной смысловой картины и прояснения сущности явления псалмодии необходимо обратиться к историческим истокам и рассмотреть, в каком ключе, значении понимали и употребляли это понятие в раннехристианской церкви.

Как известно, пение и чтение книги псалмов составляло основу древнееврейского богослужения. В первые века христианства в церковной среде происходило плодотворное усвоение ветхозаветного наследия. Церковь в полной мере рассматривает себя преемницей религиозного опыта Ветхого Завета, а поэтические тексты Псалтири, где этот опыт нашел одно из ярких выражений, легли в основу литургической практики христианской церкви. Иудейская ветхозаветная традиция пения псалмов органично вошла в практику первых христианских общин². В раннехристианской церкви псалмы продолжали оставаться основными (в количественном отношении) песнопениями на богослужебных собраниях, поскольку корпус гимнографических текстов еще только начинал формироваться³. Все более возрастающая популярность псалмов и псалмопения в христианской церкви привлекла к ним и внимание святых отцов и учителей церкви. Именно псалмодия как основной жанр песнопений раннехристианской церкви оказалась в центре рассуждений о смысле и образе церковного пения.

В связи с тем, что ранний период истории христианского богослужения мало до-

¹ Царь Давид – второй царь Израильский, приблизительно конец XI – первая четверть X в. до Р.Х.

² Об истории и практике псалмопения на пограничье ветхозаветной и раннехристианской традиций см. работы авторов: Idelson [15], Werner [18], Flender [16; 17], Скабалланович М. [10], Герцман Е.В. [2].

³ В литургическом музыковедении весь обширный корпус певческих текстов христианской церковной культуры принято разделять на псалмодию и гимнографию. Такое разделение основано на исторической принадлежности текстов к ветхозаветной иудейской традиции и новозаветной христианской. Псалмы – ветхозаветная библейская поэзия, а гимнография – небиблейские поэтические тексты.

кументирован, а певческая практика вообще не фиксировалась ни одной из форм нотации и представляла устную традицию, исследователь поставлен в довольно сложную ситуацию при изучении псалмодии.

Для определения места и значения псалмопения в жизни раннехристианских общин важнейшими источниками ввиду собственно нотографического материала нам представляется литературное наследие апологетов, святых отцов и учителей церкви II–V вв. Мы имеем в виду прежде всего экзегетические сочинения, среди которых не последнее место отведено толкованию Псалтири и отдельных псалмов.

В исследованиях по истории и теории церковно-певческой культуры писания святых отцов привлекались неоднократно, а именно в контексте изучения вопроса о смысле, предназначении, задачах церковного пения в целом⁴. Целенаправленного же обращения к святоотеческому наследию, посвященному псалмодии, до сих пор не предпринималось. Однако рассмотрение круга вопросов о месте и значении псалмодии в древнейший период истории церковного пения, на наш взгляд, представляется актуальным, поскольку именно в это время закладывались основы церковно-певческого канона в письменной не закреплённых, многообразных формах устной певческой практики. И, как известно, в центре этой практики находилась псалмодия.

В работе привлекаются творения святых отцов церкви IV – начала V в., посвященные размышлению о Псалтири и псалмодии. Как известно, этот период в истории церкви связан с деятельностью первых четырех Вселенских соборов⁵. Характерной чертой времени стало развитие христианского образования и науки, воспринявших лучшие традиции Античности.

Избранные нами творения представляют собой наиболее значительные и развернутые писания о псалмах в интересующий нас раннехристианский период. Назовем их:

1. «Послание к Маркеллину об истолковании псалмов» свт. Афанасия I Великого, еп. Александрийского (ок. 295 – 2.5.373) [11].

2. Беседы на некоторые псалмы (18 Бесед) свт. Василия Великого, архиеп. Кесарии Каппадокийской (330–379 гг.) [12].

3. «О надписаниях псалмов» и беседа «На шестой псалом» свт. Григория Нисского (младший брат свт. Василия Великого (331/5 г. (Неокессария Понтийская) – ок. 394 г. (г. Нисса)) [13].

4. Беседы на псалмы (около 60 бесед) свт. Иоанна Златоуста, архиеп. Константинопольского (ок. 344 г. (Антиохия) – 407 г.) [14].

Привлекая к рассмотрению сочинения, содержащие богословское осмысление псалмов, поставим ряд следующих вопросов, необходимых для понимания значимости псалмодии в истории церковно-певческой культуры восточнохристианской ветви:

- как понималась Псалтирь в святоотеческих писаниях;
- в чем усматривалось ее значение;
- какое место отводилось псалмам в жизни и богослужении раннехристианской церкви;
- в каком контексте велись рассуждения о псалмопении;
- в каких терминах описывали и характеризовали псалмодию.

Святые отцы писали о псалмах в форме посланий, бесед, толкований. Сама Псалтирь в силу своей многоплановости и глубины содержания определила стилистику рассуждений о ней у богословов раннехристианской церкви. В их экзегетических текстах содержится многоуровневый синтез информации, в познании которой можно было бы обозначить следующие смысловые грани:

- 1) религиозно-этическую – в рассуждениях о значимости Псалтири для христиан;
- 2) историко-литургическую – сведения о месте и функционировании псалмов в богослужбной и частной жизни, о способах и практике их исполнения;
- 3) художественно-эстетическую характеристику – восприятие псалмопения, сила его художественного воздействия.

Одним из наиболее ранних источников являются тексты о Псалтири и псалмах, на-

⁴ Смотри работы Лозовой И.Е. [6-8], Бычкова В.В. [1-2], Владышевской Т.Ф. [3], Мартынова Е. [9].

⁵ Четвертый-пятый века принято называть классическими веками христианской литературы. Действительно, этот период между I (325 г.) и IV (451 г.) Вселенскими соборами характеризует расцвет святоотеческой письменности, разнообразие содержания и проблематики, поднимаемой в их трудах.

писанные свт. Афанасием Великим, еп. Александрийским⁶.

В «Посланиях к Маркеллину», приписываемых свт. Афанасию⁷, в контексте разговора о достоинствах Псалтири и в сравнении ее с другими частями Ветхого Завета – книгой Бытия, книгами Иисуса Навина и Судей, деяниями Ездры, пророчествами – выражается общее отношение к Ветхому Завету как написанному единым святым духом и повествующему о Христе: «Это есть общий предмет, одно и то же согласие Духа. Но как свойственное другим книгам можно находить в книге Псалмов, так и свойственное этой последней нередко находится в других книгах. И Моисей пишет песнь, и Исая песнословит, и Аввакумъ молится песненно. Также в каждой книге можно видеть и пророчества, и законоположения, и повествования, потому что во всех один и тот же Дух; и по уделению Духа, какое было каждому, каждый служит данной ему благодати, и исполняет дело свое, будет ли то пророчество, или законоположение, или историческая запись, или благодать псалмопения» [11, с. 9].

Говоря о богатстве и неисчерпаемом содержании псалмов, свт. Афанасий обращает внимание на то, что в них содержится именно личный, переживаемый каждым верующим человеком опыт богообщения: «то прочие псалмы читает уже, как собственные свои слова, да и слушающий, как будто сам от себя произнося это, приходит в умиление, и все речения песнопений делаются ему близкими, как бы действительно его собственные» [11, с. 12]. Эту особенность поэзии псалмов проникать в каждое верующее и ищущее сердце свт. Афанасий объясняет тем, что в псалмах запечатлены многообразие граней, сложностей и противоречий человеческой души – благочестивой и преступающей заповедь, благодатной и в то же время грешной. Псалмы – исповедь грешной человеческой души во всей ее полноте: и в высоких помыслах, и в падениях.

⁶ Из сохранившихся сведений о его жизни известно, что будущий святитель родился в христианской семье. В отличие от многих других богословов философии он не изучал, хотя и получил хорошее образование. Совсем молодым он предан строгому аскетизму. В 319 году он был посвящен в диакона епископом александрийским Александром и участвовал в Никейском соборе (325 г.). После смерти Александра (328 г.) Афанасий был избран его преемником, после чего занимал епископскую кафедру в Александрии в течение 47 лет.

⁷ В новейших исследованиях ставится под сомнение факт о принадлежности свт. Афанасию большинства ранее атрибутированных ему сочинений.

Анализируя его высказывания, можно заключить, что Афанасий понимает Псалтирь как христианскую энциклопедию нравственности, исчерпывающим образом охватывающую все сложные колебания и движения человеческой души. Псалмы воспринимались и рассматривались как духовное руководство в добродетели и религиозно-нравственном совершенствовании.

В рассуждениях о силе воздействия псалмов на произносящего и на слушающего их, свт. Афанасий отмечает особую поэтическую организацию текста Псалтири: «А равно и книга Псалмов, имея ту особенность, что состоит из песнопений, и в других книгах сказанное последовательною речью, как замечено нами, возглашает, *без строгого порядка речи* (курсив наш. – О. Ж.), в песнопениях; также дает и законы (...), а иногда и повествует о том, что было на пути с Израилем, и как сказано прежде, пророчествует о Спасителе» [11, с. 10]. Святитель подчеркивает тонкое воздействие поэтического строя текстов псалмов на человеческую душу.

В размышлениях о псалмах свт. Афанасий обращается и к вопросу о задачах, характере и способе их певческого исполнения. Эти рассуждения являются ценным источником по истории формирования церковно-певческого канона в раннехристианский период богослужения.

Свт. Афанасий определяет пение псалмов для «пользы душевной», признавая за музыкальным началом силу его этического воздействия, а также способность врачевать душу, приводя ее от тревожного, беспорядочного и скорбного в состояние гармонии и равновесия: «кто поет хорошо, тот приводит в стройность душу свою, и как бы из неровной делает ровною, и душа, пришедши в состояние сообразное с ея природою, ничего не боится, но делается тем паче способною к живости представлений и приобретает большее желание будущих благ, потому что настроенная благозвучием речений забывает страсти, и

помышляет лучшее, с радостью обращается к уму сущему во Христе» [11, с. 32].

При этом святитель обозначает, что такой силой способна обладать не всякая музыка вообще, а музыка человеческого голоса, то есть пение. Пение при этом должно быть плавным, чинным, что является певческим выражением, музыкальным символом духовной стройности: «Подобием же и образом такого безмятежного и спокойного состояния помыслов служит приведенное в стройную меру произношение псалмов, потому что, как душевные помышления свои делаем известными и выражаем посредством

произносимых нами слов, так и Господь, желая, чтобы сладкозвучие (т. е. мелодичность. – О. Ж.) слов служило символом духовной стройности в душе, установил петь чинно и произносить псалмы нараспев. И это есть потребность души, чтобы ей быть в добром расположении, по написанному: благодушествует ли кто в вас, да поет (Иак. 5, 13)» [11, с. 30] или «Так произношение псалмов нараспев не показывает старания о благозвучии, но служит знаком стройности помыслов в душе, и приведенное в стройную меру чтение есть символ благонастроенного и необуреваемого состояния ума» [11, с. 31].

Список использованной литературы:

1. Бычков В. В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М., 1977.
2. Бычков В. В. *Aesthetica Patrum*. Эстетика отцов Церкви. М., 1995. Т. 1: Апологеты. Блаженный Августин. М., 1995.
3. Владышевская Т. Ф. Музыка Древней Руси // Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993.
4. Герцман Е. В. Гимн у истоков Нового Завета. Беседы о музыкальной жизни христианских общин. М., 1986.
5. Ефимова Н. И. Раннехристианское пение в западной Европе VIII-X столетий. М.: Издательство Московского университета, 2004.
6. Лозовая И. Е. Самобытные черты знаменного распева: Дис. ... канд. иск. Киев, 1987.
7. Лозовая И. Е. «Ангелогласное пение» и осмогласие как важнейшая сторона его музыкальной иконографии // *Musica Antiqua VIII*. Vol. 1. *Acta musicologica* / Ed. Eleonora Narendarska. Bydgoszcz, 1988. С. 649-665.
8. Лозовая И. Е. Церковно-певческое искусство // *Художественно-эстетическая культура Древней Руси. XI-XVII вв.* Институт философии РАН / Ред. В. В. Бычков. М., 1996. С. 267-298.
9. Мартынов В. Пение, игра и молитва в русской богослужебно-певческой системе. М., 1997.
10. Скабалланович М. Толковый Типикон. Вып. 1. М., 1995. Репринт. Киев, 1910.
11. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. М., 1851-1854. В 4-х томах. Сергиев Посад, 1902-1903², М., 1994^н. Т. 4: Послание к Маркелину об истолковании псалмов. С. 3-36; Предупреждение о псалмах. С. 36-40.
12. Творения св. Василия Великого. В 7 т. Московская духовная академия, 1845-1848.
13. Творения св. Григория, еп. Нисского. В 8 т. Московская духовная академия, 1861-1872.
14. Творения Иоанна Златоуста в 12 т. Спб. Духовная академия, 1895-1906.
15. Idelson Abraham. Parallelen gregorianischen und hebraisch-orientalischen Gesangsweisen // *Zeitschrift fuer Musikwissenschaft*. IV. 1921-1922.
16. Flender R. *Der biblische Sprechgesang und seine muendliche Ueberlieferung in Synagoge und griechische Kirche*. Wilhelmshaven, 1988.
17. Flender R. *Hebrew Psalmody. A Structural Investigation*. Jerusalem, 1992.
18. Werner Eric. *The Sacred Bridge*. New York, 1959.